

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. В. Л. Музыкант
г. Москва, Россия

© 2021 г. З. Кунич
г. Баня Лука, Республика Сербская

© 2021 г. Д. Марьянович
г. Баня Лука, Республика Сербская

ДУХОВНЫЙ СТИХ В РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: СТИЛИСТИКА РЕЧЕВЫХ РЕСУРСОВ

Аннотация: Данная работа посвящена изучению истоков бытования русского духовного стиха как национально-культурного наследия, который является частью совместной лингвокультуры русского и сербского народов. Эта все еще малоизученная проблема современной славистики рассматривается с позиции, где в основе взаимовлияния двух великих культур лежат язык и религия. Наряду с предложенной типологией языка христианских песнопений, рассматриваются лексические и стилистические особенности русского духовного стиха в контексте современной сербской лингвокультурной традиции. Научная новизна исследования заключается в интеграции лингвистического и культурологического подходов к объекту и предмету изучения в синхронно-диахронном аспекте, выявлении общих и обусловленных социолингвистическими факторами вариантных разноразноуровневых языковых черт в текстах духовных стихов. Реализация исследования позволяет сделать актуальный вывод о том, что истоки духовного стиха, тесно связанные с сакральным миром, являются социокультурным феноменом.

Ключевые слова: русский духовный стих, сербская лингвокультура, церковная лексика, христианские представления, просветительская функция стиха.

Информация об авторах:

Валерий Леонидович Музыкант — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: vmouzyka@mail.ru

Звездан Кунич — аспирант, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: e-mail: zvjezdan@mail.ru

Далиборка Марьянович — аспирант, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: dacamarijanovic@hotmail.com

Дата поступления статьи: 03.08.2020

Дата публикации: 28.03.2021

Для цитирования: Музыкант В. Л., Кунич З., Марьянович Д. Духовный стих в российско-сербской лингвокультурной традиции: стилистика речевых ресурсов // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 248–267. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-248-267>

Данная статья посвящена актуальной проблеме — взаимовлиянию сербской и русской культурной традиции в области истории, языка и литературы. Особое внимание уделено современной славистике, сфокусированной на выявлении общих и обусловленных социолингвистическими факторами языковых черт русского и сербского духовного стиха, которые рассматриваются как тесно связанный с сакральным миром социокультурный феномен. Результат авторских наблюдений, основывающийся на обширной эмпирической базе исследования, показал, что русский и сербский духовный стих обладает рядом уникальных свойств, которые включают в себя как религиозную и национально-героическую тематику произведений с их текстовой музыкальной формой бытования, так и эмоционально-воспитательную направленность, которые в симбиозе формируют единый жанр, представляющий целостное явление в славянской культуре.

Изучение лексики эпического, лирического и лиро-эпического русского духовного стиха, выполняющего важные просветительские функции, позволяет выявить эмоционально-психологические, лирико-субъективные и другие характеристики, как необходимые условия для внутреннего духовного саморазвития человека, его нравственного начала. Он играет важнейшую роль в продвижении и сохранении основ христианства не только в русской культуре, но и в сербской, что обусловлено родственными языковыми и культурными факторами. Гипотеза исследования основана на предположении, что русский духовный стих является не только существенной частью сербской лингвокультуры, но и составной частью православной культуры, до сих пор культивируемой сербскими духовными заведениями.

Духовный стих, как внебогослужбное духовное песнетворчество, способствует сохранению культурного аспекта православных верующих через вероучительную и аксиологическую функции, выступая способом эмоционального постижения веры, а также формой адаптации христианских ценностей к меняющимся историческим и социально-культурным эпохам. В изучении уникальности и специфики языка, стиля и поэтики русских духовных стихов лингвофольклористика лишь только обретает свою субъектность, что обусловлено сложностью языковых особенностей.

Нередко в духовных стихах от традиционного стиха остается лишь имя святого да несколько сюжетных ходов, где сюжетная коллизия, образы главных героев, а следовательно, и идейное звучание произведений «подверглись столь серьезным изменениям, что закономерно возникает вопрос: можно ли их относить к жанру духовного стиха?» [22, с. 219].

Интерес к изучению языка религиозной сферы, включающий как «внутрицерковную коммуникацию», так и «речь верующих в иных коммуникативных контекстах» [3, с. 10–12], можно наблюдать на территории Балкан в связи с активным переосмыслением сербским народом своего языкового и культурного наследия. Сербский язык имеет длительную историю формирования литературных норм, истоки которых в ки-

рилло-мефодиевских традициях книжности, отразившихся в церковной литературе Средневековья (Мирославовом Евангелии на кириллице, глаголических фрагментах переводов Деяний апостолов. — *авт.*), позволяющих признать существование сербского извода старославянского языка. К XII в. относятся обнаруженные многочисленные грамоты, свидетельствующие о высоком уровне грамотности населения сербских и хорватских земель, сообщающие о принятии монашеского пострига в русском монастыре Св. Пантелеймона на горе Афон будущим основателем Сербской православной церкви Растко Неманичем [2].

Османское вторжение на Балканы второй половины XIV в. предопределило характер развития близкородственных славянских народов и языков на этой территории. Формирование единого литературного языка на время прекращается: сербская (кириллическая) письменная культура продолжила сохраняться лишь в немногих монастырях, а в хорватских землях, наряду с остатками очагов глаголицы, усилилось влияние латинского письма. Раскол в христианской церкви способствовал отделению католических северо-западных земель от юго-восточных православных, находившихся и после утраты сербами своей государственности под влиянием Константинопольской патриархии. С XVII в. центрами культуры сербов постепенно становятся города Воеводины, где под управлением церковных иерархов складывается государственность.

Церковно-религиозный стиль, который является функциональным стилем современного русского литературного языка, обслуживающим сферу церковно-религиозной деятельности, является одним из употребляемых в сфере общественной жизни. Признание учеными наличия данного функционального стиля в современном русском литературном языке можно считать вполне объективным [42, с. 80–90]. Современная лингвистика выделяет определенные функциональные стили — религиозный [37], церковно-проповеднический [16, с. 135–138], церковно-религиозный [15, с. 259–270], опираясь на традиции изучения духовного стиха второй половины XIX в., заложенные В. Варенцовым, П. А. Бессоновым, Г. Федотовым, А. Веселовским, А. Афанасьевым, И. Срезневским, Н. Тихомировым.

В сборнике «Русские народные стихи» (1848) слависта П. В. Киреевского отмечено, что духовный стих — уникальное явление в русской культуре, требующее изучения вопросов бытования, классификации, художественной особенности духовной поэзии. Примечательна работа Ф. Бушлаева «Народная поэзия. Исторические очерки» [5] с относительно полным анализом народного духовного стиха как посредника между христианской и устной народной культурой. Отмечая оригинальность содержания и языка одной из «главнейших форм народной поэзии», автор замечает, что «духовный стих по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности. Он уже не забава и не досужее препровождение времени, не застарелый обряд, сросшийся с ежедневными привычками. Как церковная книга, он поучает безграмотного в вере, в священных преданьях, в добре и в правде. Он даже заменяет молитву, особенно в умильных плачах и душеполезных назиданиях» [4].

Со стороны фольклористики духовные стихи изучаются как определенная совокупность музыкальной культуры народа, которая представляет самые многообразные жанры, уходящие своими литературными корнями в книги Ветхого и Нового Завета, жития святых, книги Богослужения, которые получили распространение вскоре после крещения Руси в виде творческого отклика на призыв Божий. Произведения этого жанра поражают стилистической и языковой особенностью: здесь можно найти тексты

от классических «старин» былинного типа до позднейших силлабо-тонических ямбов и хореев с отчетливо выраженной литературной основой.

Жанр духовного стиха представляется сложным, многокомпонентным, но в то же время целостным явлением для русской и сербской культур. Изучение русского языка связывается с его включением в 1843 г. в учебный план Белградской Духовной семинарии. Примечательно, что предназначенный для использования в христианском богослужении сербов Псалтырь была впервые напечатана именно в Москве в 1761 г. [37, с. 6].

Изучавший различные сербские говоры Вук Стефанович Караджич (1787–1864, носитель штокавского иекавского говора. — *авт.*) приступил к реформированию сербского на основе образцов языка русской церкви и повседневной речи сербских крестьян. Изданный им в 1818 г. «Сербский словарь» и модернизированная грамматика сербского (Караджич удалил 13 ненужных букв и вставил 6 новых. — *авт.*), стали более совершенными [34], подтверждая мысль ученого о том, что речь народа способна выполнить «новую для нее культурную функцию» [21], используя правило «пиши, как говоришь, читай, как написано».

Знаменитый пушкинский цикл «Песни западных славян» даже рассматривался критиками того времени «как своего рода творческий спор с французским писателем (Мериме. — *авт.*)», где ориентации Мериме на хорватско-далматинский и боснийско-мусульманский ареалы русский поэт противопоставил диалог «католического и мусульманского вариантов южнославянской культуры с сербско-православным ее вариантом, раскрывая сходство того и другого и внутреннее единство их в общности исконно славянского героико-мифологического мировосприятия исторической трагедийности, нравственного идеала и поэтического мышления» [8, с. 39].

Так называемая духовная встреча А. С. Пушкина с сербским литератором относится к осени 1820 г., когда русский поэт, находясь в ссылке в Кишиневе (Бессарабия), узнал, что годом ранее в августе 1819 г. здесь бывал со своими соратниками по Первому сербскому восстанию Караджич. Поэт, сочувствующий освободительной борьбе балканских народов, получил возможность проникнуть в суть песнетворчества сербов, выступив первым собирателем сербскохорватских песен [8, с. 29]. Не удивительно, что именно русские фольклористы первыми оценили и поддержали сборники стихов и песен Караджича «Српски рјечник» (Сербский словарь. Вена, 1818) [19].

В «Московском Телеграфе» публиковались почти все работы сербского реформатора, получившего за свой вклад в славистику серебряную медаль от Российской Императорской академии наук. Караджич встречался в Петербурге с Н. Карамзиным, поэтом И. Дмитриевым, с другом Пушкина Александром Тургеневым, П. Кеппеном, автором «Записок о путешествии по славянским землям и архивам», «Критического исследования о Кирилле и Мефодии» и издателем «Библиографических листов», поместившим доброжелательную статью о «Сербском словаре» серба. Как известно, А. Пушкин включил перевод сербского стиха «Бог ником дужан не остаје...» в свои «Песни западных славян», который, по словам В. Г. Белинского, отразил всю роскошь местного колорита. Русский критик справедливо замечает, что в пушкинском переводе «Сестра и братья» из сборника «Народне српске пјесме» Вука Караджича (1823) точно передана специфика сербского эпоса, и русский поэт придал ему композиционную завершенность [1, с. 552].

Достаточно сравнить фрагмент перевода текста российского поэта с оригиналом:

А. С. Пушкин. «Песни западных славян» / Вук Караджич. «Собрание сербских народных песен» («Народне српске пјесме») (1823):
Сестра и братъа (1833–1834):

Два дубочка вырастали рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула.
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братъа любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братъами?»
Отвечает Радулова любя:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братъа мои любили...

Два су бора напоредо расла,
Међу њима танковрха јела;
То не била два бора зелена,
Ни међ' њима танковрха,
Већ то била два брата рођена:
Једно Павле, а друго Радуле,
Међу њима сестрица Јелица
Браћа сеју врло миловала,
Сваку су јој милост доносила,
Најпослије ноже оковане,
Оковане сребром, позлаћене
Кад то вид' ла млада Павловица,
Завидила својој заовици,
Па дозива љубу Радулову:
«Јетрвице, по Богу сестрице!
Не знаш како била од омразе?
Да омразим брата и сестрицу».
Ал' говори љуба Радулова.
«ој Бога ми, моја јетрвице!
Ја не знадем била од омразе,
А и да знам, не бих ти казала:
И мене су браћа миловала...»

Парадоксально, но реформаторство Караджича косвенным образом сыграло на пользу деструктивной языковой политике, проводившейся в Сербии властями Австро-Венгерской монархии, чья реформа сербского языка официально победила в 1868 г. Вслед за этими событиями «прекратил свое существование общий литературный русско-сербский язык, что стало важнейшим толчком к дезинтеграции двух братских народов» [14]. Неизвестно, как дальше сложилась бы судьба духовных стихов, не будь длительной эпохи гонений, эпохи воинствующего безбожия. Возможно, сама жанровая система фольклора в настоящее время выглядела бы принципиально иначе, а поворот от эстетики к религии, от «душевности» к высокой духовности в народном искусстве претерпел бы более решительные метаморфозы.

Если до революции 1917 г. границы содержания разных сюжетов были твердо закреплены традицией, то под влиянием произведений других жанров фольклора язык духовных стихов достаточно быстро нивелировался [13, с. 149], освобождался от книжных элементов: не случайно народные певцы в первую очередь отбросили насыщенные моралистическими сентенциями концовки, так называемые «похвалы святым», в которых особенно часто употреблялись церковнославянизмы и книжные выражения [22, с. 216–218]. Исполнители, продолжая автоматически употреблять церковнославянизмы, из-за непонимания смысла стихов коверкали их, как в тексте: «Алексея — человека божьего», где словосочетание «с небесъа бы глаз проглазелься» вместо «г л а с п р о г л а с и л с я», в «Стихе о Борисе и Глебе» — «вострым ножом закаляя» вместо «з а к л а». Из духовного стиха «Муки Егория» (Георгия Победоносца. — *авт.*) бесследно исчез портрет, отмечает славист Ю. А. Новиков, а само «описание наружности святого сохранилось только в одном из 43 вариантов, записанных в Советское время» [22, с. 217].

В просвещенной сербской среде, где писатели осваивали форму книжного духовного стиха, а простые переписчики распространяли сочинения русских авторов, важно было учитывать «влияние геофизического пространства и поднебесья, равно как и своего исторического времени, в которых они жили и боролись, страдали и творили, приспособляя их язык (народов Балкан. — *авт.*) к живой речи сербских читателей» [10]. Если присмотреться со стороны формы и содержания к сербским духовным стихам, так называемым *побожне пјесме*, собранным в изданиях Вука Караджича и П. А. Бессонова «Калеки переходные», то можно заметить аналогию тому, что мы видим в русских духовных стихах, условно дифференцируемых на две основные группы.

Первую Караджич относит к группе «Најстарјих јуначких пјесама», приближающейся по строению к эпическим «јуначким» песням (и у нас такие стихи, как об Егории, Голубиной книге и другие, сходны с былинным стихом. — *авт.*). В этой категории стихов заметны метаморфозы, касающиеся имен библейских персонажей, географических названий, которыми так богаты канонические тексты духовных стихов, чуждые народной поэзии.

Другая группа в целом по форме чужда устной эпической поэзии, а стихи в ней снабжены рифмой и построены по правилам силлабического сложения, как и большинство русских и украинских «кант» и «псалм». Эта аналогия, невольно бросающаяся в глаза при ознакомлении с данной группой сербских духовных стихов, становится особенно явной, если обратить внимание на содержание и сам текст этих стихов. При сравнении тождество содержания и текстуальное сходство не оставляют сомнений о связи между сербскими, русскими и украинскими стихами этой группы. Ближайший анализ сербских стихов дает на это ответ, если обратить внимание на рифмы сербского стиха:

Ливанъ злато, змирно
Отдали безмѣрно...
Азь съ вами буду до скончаниа вѣка
Общѣщаль то нам небесны владика [31].

В XVII и XVIII вв., помимо церковных, богослужебных книг, московской и, чаще, киевской печати, циркулировавших у сербов, охотно их приобретавших и добывавших для удовлетворения практических потребностей (церкви, назидательного чтения), в Сербию идут из России и книги четьи, предназначенные для домашнего или келейного чтения, с текстами житий, патериковых рассказов, поучений и сказаний, излагаемых по порядку месяцев и дней. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор русские книги в сербских землях, записи на книгах и т. д. Поскольку Сербия относится к странам с наиболее богатыми традициями в институциональном изучении русского языка, то русский духовный стих справедливо рассматривать в общем контексте христианства, как вид славянского поэтического творчества. При этом главным признаком стихотворных форм, среди которых собственно духовный стих, кант, старина, псалма (входившая в состав Псалтири), является их противопоставление мирской стихотворной традиции [33, с. 254].

Целью создания духовных стихов является нравоучительность и дидактичность. Будучи песнями религиозного характера, в которых воплотился «религиозный гений наций» [28], они отражают духовные чувства исполнителей и их слушателей. Религия народа самобытно отражалась в духовных стихах и структурно состояла из трех частей: язычества, церковного канонического устава, современной народной традиции свято-

сти. Здесь излюбленные сюжеты — всемирный потоп, страшный суд, размышления о старости и смерти, восхваление отшельнической жизни. Лирические по характеру и нередко рифмованные стихи имеют строфное построение с преобладанием терцета¹, в них множество риторических вопросов и восклицаний, традиционно присутствует неярко выраженное наличие церковнославянских слов и оборотов.

Русский и сербский духовный стих с содержательной стороны несколько противоречивы, как, впрочем, и весь фольклор, отражающий народные суеверия, примитивные представления о бытии. Но главные нравственные ценности и ориентиры в них побуждают человека к благочестивому образу жизни: не лги, не воруй, не прелюбодействуй, не пьянствуй, не сквернословь, почитай родителей, соблюдай посты, помогай убогим и нищим и т. д. Совокупности этих заповедей можно придать статус божественного предписания, где Бог является воплощением добра, а задача духовных стихов как раз и заключается в том, чтобы возвращать духовные силы человека в совершении добрых поступков. В более поздних по происхождению стихах остается прежняя тематика, но «форма существенно модернизируется: на смену силлабике приходит строгая ритмическая организация стиха как четырехстопный хорей, появляется точная перекрестная рифма» [22, с. 219].

Христианская каноническая литература, которая является первоисточником духовных стихов, проявляется включением различных видов древнерусской книжности: Библии, житийных и нравоучительных повестей, «чудес». Заметно также влияние церковных песнопений, эстетическое воздействие иконы. Духовные стихи, таким образом, являются образцом нравственных ценностей народа, его искренности в стремлении приблизиться к Всевышнему. За древнейшим из дошедших до нас певческим стихом «Плач Адама» (о чем свидетельствуют его нотные крюковые записи. — *авт.*), помещенным над изображением плачущих у врат рая Адама и Евы, скорбь от потери райского блаженства соединена с раскаянием героев. Это самостоятельное произведение со своей ритмической организацией, уникальный случай «изображенного слова» на иконе, несущий в себе не только словесный, но и музыкальный ассоциативный ряд, создавая особый вид креолизованного текста, дополняющего и углубляющего восприятие живописи. За этим приуроченным к сыропустной неделе² и носящим больше внеслужебный характер произведением, усматривается уставной быт Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей. За этим «стих-старина запивом», т. е. старинным былинным запевом, следует более широкое распространение духовных стихов как лирического покаянного плача человека того времени.

Основными адресатами русских и сербских духовных стихов XV–XVII вв. являются Господь, Богородица, Ангел-хранитель, святые великомученики. В этом случае стихи нередко строятся как молитва, которая призывает к высшим духовным силам: «Прекрасный мой раю!.. Ты моя мать, царица небесная... Мой Бог, зачем ты так страдаешь? Пресветлый Ангел мой Господень... Господи, господи, не отвержи мене погибошааго!»

При этом эта молитва сама чаще всего по себе очень проста и незамысловата:

Господи, помилуй,
Господи, прости,
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести [24].

¹ Терцет — трехстишие (от итал. *terzetto*) — строфа из трех стихов, обычно в рифмованном стихотворении.

² Последнее воскресенье перед Великим Постом, этим днем заканчивается сырная седмица.

Нередко стих обращается к массовому слушателю, и тогда у него нет определенного или конкретного адресата: «Не ропщи на суровую долю... / Покайтесь, люди, покайтесь...». Такие стихи призывают слушателей к спокойствию, терпению и истинной вере. Кроме того, важная часть народных духовных стихов строится как повествование о божественных чудесах и житии праведников. Это может быть и переложение библейских сюжетов, притч. Такие стихи имеют особый зачин, который предваряет развитие сюжета:

- эпический («В далекой стране Палестине / Струится река Иордан, / На берег реки той выходит / Святитель Христов Иоанн»);
- песенный («В низенькой избушке / Огонек горит, / Там одна старушка / При смерти лежит»);
- частушечный («Уж ты, келья, моя келья, / Келья тихая моя!»).

Как видим, лексика русских духовных стихов проста и безыскусна. По частотности употребления из многих изобразительно-выразительных средств в русских духовных стихах первое место занимают эпитеты. Поскольку влияние Библии — одна из особенностей языка народных духовных стихов и устного народного творчества, то присутствующие здесь эпитеты, можно условно типологически разделить на:

- постоянные, которые характерны для жанров фольклора (*сырая земля, темная туча, красное солнце, горячие слезы*). Иногда эпитеты входят в полностью заимствованную из фольклора фразу, делая образ более зримым:

Взвилась душа грешная
Выше леса стоячего,
Выше облака ходячего [18, с. 443].

- религиозные, которые заимствованы из христианской литературы (*праведные души, святое Рождество, чистая Дева, небесный отец*);
- высокие, книжные (*скорбный век, тернистый путь, земные труды*);
- общелитературные, которые можно считать приметой времени, результатом влияния современной жизни (*драгоценная могилка, безутешная печаль, слезный крест, заветный крестик*).

Достаточно редки метафоры (*наша жизнь — весенний цвет летучий; горе — лекарство души, Бог невидимо будет с тобою, скорый врач, исцелитель душе*), но часто встречаются олицетворения (*дрожат от страха небеса; заплакали ключи; дышит земля*). При этом духовный стих богат на сравнения и аналогии (*жизнь меня, как щепку, закружила; все увяло, как зелень скошенной травы*), помогающие исполнителям стихов передать и боль, и страдание, и покаянную молитву, и благодарение Богу.

В некоторых стихах с помощью развернутой метафоры сербы видят проникновенный образ живой русской души:

Мой духовный сад,
Как запущен ты,
От негодных трав
Поросли тропы.
Спит душа твоя... [23].

Частым употреблением риторических вопросов, которые адресованы высшим силам, определяется высокая степень эмоциональности текста духовных стихов. Их

цель — воздействие на адресата, контакт с мыслимым собеседником. Риторические вопросы выражают душевное состояние верующих, которых переполняют чувства: «Здесь узкий, тесный путь прискорбный, / Могу ли я его пройти? / Хранитель мой неукротимый, / Ты можешь ли меня спасти? Наставь меня, Матерь, на истинный путь... / А как я предстану, великая грешница, / На страшный суд Божий? / Какой дам ответ?».

В некоторых стихах риторические вопросы обращены к самому говорящему, к своей душе: «Где ты спишь, душа? / Что в саду твоём? О чем скорбеть? / О чем крушиться? / О чем нам слезы проливать?». Они выражают раздумья, сомнения, поиск ответа на трудные жизненные вопросы.

Несмотря на свое религиозное содержание, наличие в стихах собственно церковной лексики в целом незначительно. В духовном стихе описываются предметы культа (*лампада, келья, риза, крест, икона, иконостас, миро*); религиозные отправления и обряды (*покаянье, крещение, моление, воскресенье*); пространственные наименования реального и духовного мира (*гора Афон, остров Кипр, Пакистан, Вифлеем, тихая пристань, небесный чертог золотой, вечный приют, райская обитель, царство небесное*); категории, несущие христианское восприятие и осознание греха, добродетели (*грех, скорбь, страданье, милосердие, благодать*).

Вместе с тем огромную роль в духовных стихах играют христианские представления о триединном Боге в целом ряде синонимичных именовании, которые выражают разные ипостаси: *Христос, Иисус, Творец, Спаситель, Господь, Всевышний, Владыка, Отец, Судия, Сын, Вседержитель, Создатель, Друг и Учитель*. Что же касается понятия *душа*, то в русском духовном стихе душа и слово слиты воедино, олицетворяя представления православного человека. Это естественная реальность, которая связана и с духом, и с телом. В духовных стихах важную роль играет общеупотребительный набор слов, доступных для восприятия и понимания и читателям, и слушателям. Однако в процессе анализа состава лексики духовных стихов обнаружили и слова, лексическое значение которых отличается от привычного, зафиксированного в словарях.

Такие слова обычно имеют дополнительное лексическое значение, устанавливая новые синонимические и антонимические связи:

Дева мне сказала: Плачет он о том,
 Что Адам и Ева взяты в плен врагом,
 И что образ Божий, данный их душам,
 Предан поруганью злобнейшим бесам.
 Плачет, что не любят дети их Творца,
 Творца сквернят грехами души и сердца... [18, с. 445].

В данном случае слова *врагом* и *дети* имеют особое, библейское значение. Адам и Ева названы *детьми Творца* потому, что они, по библейскому преданию, сотворены Богом. Поэтому они, как и все человечество, считались у языческих поэтов потомством Бога. В источниках христианства *Божьими (Господними) детьми* стали называть только верующих, которые благодаря искуплению вышли из своего падшего состояния и родились заново в своей душе. В стихе также сохранилось языческое представление о детях Бога.

Слово *враг* в народных духовных стихах является синонимом библейского *Сатана (дьявол)*, т. е. обозначает главного врага Бога. Можно заметить, что в духовных стихах вместо библейских выражений используются табуированные именовании *лукавый* и *искуситель*. Анализ состава лексики народных духовных стихов еще раз под-

тверждает мысль о том, что этот жанр народного творчества отличается своеобразием и неповторимостью, представляет собой органичный сплав фольклора, христианской и современной художественной литературы.

Анализ синтаксиса народных духовных стихов достаточно затруднен из-за практически полного отсутствия в первоисточниках знаков препинания. Однако по цели высказывания большинство предложений из народных духовных стихов является повествовательными, их основная цель — сообщение об определенном событии:

Пред иконою святою
Я лампадочку зажгу
И стою, стою с мольбою,
Милости себе прошу [18, с. 449].

Немало предложений побудительных, которые выражают разнообразные оттенки побуждения к действию:

- приказ («Пробудись, душа, близок час тебе»),
- совет («Пред иконою встань ты с мольбою и молися в ночной тишине»),
- разрешение («Вы идите, отдохните под покровом у меня»),
- просьба («Мама милая, прости»),
- призыв («Все вы, сроднички, придите, помолитесь за меня»),
- пожелание («Поминайте, поминайте, поминайте каждый раз»),
- мольба («Господи, помилуй, Господи, прости, помоги мне, Боже, крест свой донести»).

Отдельные стихи строятся в виде диалога. Это может быть диалог с реальным собеседником: «— Скажи, что с ней? Она жива сейчас? — Сейчас — не знаю, уезжал — дышала, в бреду шептала страшные слова...». В Библии подобная преждевременная смерть именуется нечаянной, так как умереть по-христиански значило очистить душу от греха, умереть смертью, которая была назначена Всевышним. Умереть, не покайся в грехах, не выразив последней воли, для русского человека противоестественно и нежелательно:

— Верная смерть, умоляю тебя,
Хотя б на немного отпусти ты меня.
Я молод годами, еще не готов,
На мне возлежит много тяжких грехов...
— Нет, уже поздно умолять меня,
Не золотом, не серебром не откупишь себя... [18, с. 446–447].

Основанными хранителями и исполнителями духовных стихов являлись, по мнению Ф. И. Буслаева и А. П. Бессонова, «калики перехожие», паломники, которые только отправлялись или уже побывали в Святой земле с целью поклонения христианским святыням. Д. С. Лихачев обращал внимание ученых на важность общения с хранителями духовных стихов, являющимися отличными рассказчиками, обладающими хорошим слухом на старые песни, в которых скрыты опыт и мудрость [17].

На сегодняшний момент духовные стихи формируют весьма значительную, обусловленную историческим развитием часть общей культуры двух народов. В сербском народном эпосе четко проявился новославянский балканский, динарский, тип серба — серба-героя и страдальца «за Крест Честной и свободу золотую» с эпически-патриар-

хальными чертами, до сих пор присущими сербам. Вот почему, отмечает Святитель Николай Сербский (Велимирович), часто «говорится, что тяжело быть сербом. Но это говорится сербскими соседями и предателями, которые в раму национализма ставят ту картину, которую противники Христовы вкладывают им в руки. А наш путь весь лежит под знаком Креста и Свободы. Знак Креста несет в себе зависимость от Бога, а в знаке свободы лежит независимость от людей. Еще знак Креста подразумевает хождение за Христом и борьбу за Христа, а знак свободы несет в себе освобождение от страстей и всякой душевной гнилости» [10].

Русский и сербский фольклор без духовных стихов так же неполноценен, как история наших культур без истории общей православной церкви. На проходящем в сербском монастыре Любостиня, основанном вдовой последнего независимого правителя Сербии князя Лазаря княгиней Милицей, и вдовой русского князя Дмитрия Донского княгиней Евдокией, проходит ежегодный фестиваль духовной поэзии «Евфимиевы дни» в Сербии [29]. Обе княгини основывали ктиторские монастыри, или «задужбины», как говорят сербы, оставив значимый след в духовной литературе. Сербская православная церковь причислила Милицу к лику святых, а Русская православная церковь — Евдокию, с именем преподобная Ефросиния Московская [9].

И еще в одном прослеживается поразительная историческая параллель. Княгине Милице принадлежат духовные стихи «Молитва матери» (*серб.* «Молитва матере») и «Вдовству моему жених» (*серб.* «Удовству мојему женик»), где смерть рассматривается как временная разлука. А «Плач над телом князя Дмитрия Донского» 1389 г. княгини Евдокии вошел в сокровищницу древнерусской элегической лирики: «Почто не промолвишь ко мне, цвете мой прекрасный? / Рано увядаеши? Винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей. / Солнце мое, рано заходиши; месяц мой прекрасный, рано погибаеши; / звезда восточная почто к закату грядеши?» Многие летописцы того времени оставили свои впечатления от плача, отмечая силу и экспрессию прощания с любимым: «От горести души язык связывается, уста заграждаются, гортань примолкает» [27, с. 621].

Как видно, жанр духовного стиха и есть одна из тех самых скреп совместного культурно-исторического наследия, часть доминантной социокультурной среды представляющей таким сложным, многокомпонентным и в то же время целостным явлением для обеих культур. На проводимом по благословению Святейшего Патриарха Сербского Иринея седьмом Международном фестивале духовной поэзии, представленном Центром культуры и образования и Литературным обществом Раковицы, констатировалась преемственность духовных традиций Сербии и России. Народно-песенное и церковно-певческое творчество двух народов обогатилось еще одним современным духовным посланием Лиляны Бралович из Праняна, получившим первую премию за стих «Праг», т. е. «Порог» (в значении «рубеж». — перевод *авт.*), отвечающий на вечный вопрос, что же происходит с верующим при посещении сербских святых мест:

Если вы спросите, чьи это поля, птицы, небо, солнце,
 Если спросит себя серб, Арнаутин³, незнакомец...
 Если вам интересно, чья вода и чьи горы,
 Если вам интересно, отправляйтесь в Високе Декан⁴
 И посетите праг монастырское богомолье...
 Где камни, стоптанные башмаками паломников,

³ Арнаутин — албанец (*разг.*).

⁴ Средневековый сербский православный монастырь рядом с Декана (Косово), основанный в первой половине XIV в. сербским королем Стефаном Урошем III Дечанским.

Отсюда к нам пришли четыре Евангелия...
 Этот каменный храм для поклонения Христу...
 И ответит на вопрос, чья это земля, небо
 И чьи поля вокруг и стаи птиц,
 Этот каменный порог в церкви Высоке Декан,
 Где написаны все четыре Евангелия...,
 И есть мать всего сербского,
 Этот порог скажет вам все! [36].

Современный духовный стих демонстрирует ряд уникальных свойств: религиозную и национально-героическую тематику произведений, особую тексто-музыкальную форму бытования. Эти свойства дают возможность духовному стиху выполнять важные просветительские и воспитательные функции. Путем информирования и убеждения слушателей эмоционально-психологическими, лирико-субъективными и другими средствами создаются необходимые условия для внутреннего духовного саморазвития человека, его нравственного начала.

В современной Сербии изучение религиозного языка характеризуется своеобразием в выборе и использовании словесных и синтаксических средств русского языка [16, с. 135–138]⁵. Интерес к изучению русского языка, как лидеру по числу носителей в Европе [25]⁶, обретает популярность с изменением геополитической ситуации в мире [43, с. 83–100]. Закономерно, что в фокусе исследователей оказываются церковные жанры, требующие использования особого варианта книжного языка — сербско-славянского, и подобной практике придан новый импульс [38]. Церковные духовные стихи, изначально предназначенные для исполнения в церковном быту, прочно опирались на язык русской церкви, отражая стремление сербского духовенства к сохранению среди сербов православия в борьбе с католицизмом и униатством, а в воеводинской письменности в полной мере получил применение русско-славянский книжный язык (русский церковнославянский с элементами «среднего» стиля. — *авт.*)

Духовный стих был и остается одной из самых популярных тем современной славистики и фольклористики, «живым» явлением отечественной культуры, представляющим своеобразную область художественного творчества, сохранившую уникальную и своеобразную лексику, которая является основой для распространения идей христианства в русской и сербской культурной традиции, противостоящей искажению прошлого. В подтверждение приведем выдержку из современного сербского учебника по истории «Уџбеник историје за 7. разред: «Данак у крви» омогућавао је дјечаџима да напредују», где «дань кровью» или проводившийся принудительный набор здоровых мальчиков для их последующей исламизации и несения службы в янычарах (известных своей жестокостью в борьбе с христианами. — *авт.*), уже представлен как положительное явление или особая практика в Османской империи, якобы позволявшая мальчикам продвигаться по службе [25].

⁵ Духовный стих как лингвокультурологический феномен является предметом рассмотрения в работах Г. И. Канакиной [12], Л. П. Крысина [16], И. В. Бугаевой [3], анализу жанрового поля церковной коммуникации (молитва, плач, духовное послание, проповедь) посвящено исследование В. В. Колесова [14], эстетика духовного стиха изучена Т. В. Хлыбовой [30] и другими специалистами. Дискуссия о том, возможно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического, инициирована О. А. Крыловой [15, с. 259–270], роль духовного стиха в сохранении культурной идентичности старообрядцев рассмотрела Н. С. Мурашова [20, с. 43–53], музыкальная сторона древней духовной культуры проанализирована М. В. Бражниковым [2, с. 3].

⁶ По данным разработчиков приложение для изучения языка Babel, 120 млн человек считают русский родным [39], а не выученным, как, например, английский.

Именно по этой причине каждая новая работа в области словесности современных европейских народов показывает, какое «важное место предстоит занять в подобного рода изысканиях русскому и славянскому материалу», что отмечал в конце XIX в. еще академик А. Н. Веселовский в своем предисловии к «Разысканиям в области русских духовных стихов» [6, с. 1]. Потому-то до сих пор у некоторых народов существует и печаль-тоска «по Богу» [41, с. 134–144]. А «издревлей плач Адамов — всечеловеческая ностальгия по утраченному раю, и она, слава Богу, все еще присутствует в душах и сердцах сербского народа» [7]. Чтобы сербский язык не исчез с мировой лингвистической карты мира в «результате агрессивного влияния западных языков — в первую очередь, английского», делает вывод наш современник Зоран Милошевич [25]⁷, следует учить русский, поднимая все новые лингвокультурные исторические пласты, ибо стертый башмаками верующих «камени праг у цркви Високих Дечана» из стихотворения Лиляны Бралович и есть тот последний рубеж, за который нельзя отступать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. 799 с.
- 2 *Бражников М. В.* Древнерусская теория музыки (по рукописным материалам XV–XVIII веков). Л.: Музыка, 1972. 423 с.
- 3 *Бугаева И. В.* Язык религиозной сферы: автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 2010. 48 с.
- 4 *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Изд-е Д. Е. Кожанчикова, 1861. 643 с.
- 5 *Буслаев Ф. И.* «Русские духовные стихи» // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике: учебн. пособие / под ред. Ю. Г. Круглова. М.: Высшая школа, 2003. 710 с.
- 6 *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1880. Вып. 2. Часть II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде. 228 с. (Приложение к XXXVII т. Записок Имп. академии наук. № 3).
- 7 Духовная жизнь сербов // Pravmir.ru. URL: <https://www.pravmir.ru/duhovnaya-zhizn-serbov/> (дата обращения: 01.04.2020).
- 8 *Гусев В. Е.* Пушкин и Вук Караджич // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Наука, 1991. Вып. 24. С. 29–41. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v91/v91-029-.htm> (дата обращения: 03.05.2020).
- 9 Две святые Евфросинии // Evfrosinia.ru. URL: <https://evfrosinia.ru/index.php/news/1-2013-01-16-14-53-58/2480-2018-07-31-17-58-25.html> (дата обращения: 01.04.2020).
- 10 За крест честной и свободу золотую. Бог даровал сербам вождя Карегеоргия // Вестник. № 30. URL: <http://www.pafnuty-abbey.ru/publishing/6333/> (дата обращения: 21.01.2020).
- 11 *Звездин Д. А.* Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: на примере текстов второй полови-

⁷ Зоран Милошевич (Zoran Milošević) — научный советник, профессор теоретической социологии (Институт политических исследований, Белград, Сербия). Исследование проводилось в рамках научного проекта «Демократические и национальные ресурсы политических институтов Сербии в процессе международной интеграции» (179 009), финансируемого Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

- ны XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Dissercat.com. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaya-propoved-kak-zhanr-tserkovno-religioznogo-stilya-sovremennogo-russkogo-literat> (дата обращения: 01.04.2020).
- 12 *Канакина Г. И.* Духовные стихи как лингвокультурологический феномен // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 154–157.
- 13 *Кирпичников А. И.* Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 10. С. 133–150.
- 14 *Колесов В. В.* Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха // Язык русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1988. С. 15–24.
- 15 *Крылова О. А.* Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во ПГУ, 2001. С. 259–270.
- 16 *Крысин Л. П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: сборник памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135–138.
- 17 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
- 18 *Марьянович Д.* Изучение русского языка в сербских семинариях на основе русского духовного с учетом его лексических и стилистических особенностей // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах. Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых / под общ. ред. В. М. Шаклеина. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 437–450.
- 19 Московский Телеграф. 1827. Ч. XIII, «Критика»; 1829. Ч. XXV, «Иностранная литература».
- 20 *Мурашова Н. С.* Роль духовного стиха в сохранении культурной идентичности старообрядцев // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 43–53. URL: <http://www.vestnik-sk.ru/assets/files/4.-Murashova-N.S.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).
- 21 *Николич М.* Национально-культурный компонент семантики родства–свойства в русской и сербской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 180 с.
- 22 *Новиков Ю. А.* К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, 1971. Вып. 12. С. 208–220.
- 23 *Петров А. М.* Синтаксис русских духовных стихов. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2012. 164 с.
- 24 Православное обозрение // Pinterest.ru. URL: https://www.pinterest.ru/pin/197454764892590177/?nic_v1=1aab%2B05Urwo2UR%2Bnxrevg%2BNiN8R4d93nOBV3AiG%2BqkFz%2B3wodUtX1m9CqjrsOuz7WL (дата обращения: 23.06.2020).
- 25 Русский язык в демократической Сербии // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/society/2884163.html> (дата обращения: 23.06.2020).
- 26 *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи: Учебное пособие для филологических факультетов. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. 160 с.
- 27 *Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен: в 18 т. М.: Мысль, 1988. Т. 4. 768 с.

- 28 Федотов Г. П. Стихи духовные. (Русская духовная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с.
- 29 Фестиваль духовной поэзии «Евфимиевы дни» в Сербии // Far.ru. URL: <https://far.ru/press-center/news/festival-dukhovnoy-poezii-evfimievy-dni-v-serbii/> (дата обращения: 01.07.2020).
- 30 Хлыбова Т. В. Эстетика духовного стиха // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Изд-во Гос. респ. центра рус. фольклора, 2004. Вып. 6. С. 144–158.
- 31 Београдска национална библиотека (Народна библиотека Србије) // Nb.rs. URL: https://www.nb.rs/index.php?change_lang=en (дата обращения: 01.07.2020).
- 32 Havranek B. Studie o spisovnemjazyce. Praha, 1963. 371 s.
- 33 Karadžić Vuk S. Vukova prepiska. Београд, 1908. Књ. II. 310 s.
- 34 Karadžić Vuk S. Srpske narodne pjesme. Vienna: Izd. Beč, 1862. Књ. IV. 545 s.
- 35 Mistrik J. Religiozny styl // Stilistika. 1992. № 1. Opole. S. 82–90.
- 36 Седми међународни сабор духовне поезије // Skorakovica.com. URL: <https://skorakovica.com/sedmi-medjunarodni-sabor-duhovne-poezije/> (дата обращения: 31.07.2020).
- 37 Novaković S. Srpska bibliografija za noviju književnost 1741–1867. Beograd: Beograddržavna štamparija, 1869. 644 s.
- 38 Руски језик је све популарниј између Србима, и ако га учи мало основаца // Srbin.info. URL: <https://srbin.info/drustvo/ruski-jezik-je-sve-popularniji-medu-srbima-iako-ga-uci-malo-osnovaca/> (дата обращения: 28.07.2020).
- 39 The Babel Method // Begin.babel.com. URL: https://begin.babel.com/en_gb/new-multilanguage-selection/ (дата обращения: 28.07.2020).
- 40 Gumperz John J. Verbal Strategies in Multilingual Communication, Working Paper 36// Report of the Twenty-first Annual Round-Table Meeting on Linguistics and Language Studies. Monograph series on Languages and Linguistics, №23/ edited by J. Alatis. Berkeley: Language Behavior Research Laboratory, University of California, 1970. P. 129–147.
- 41 Krasavsky N. A., Baranova K. M., Muzykant V. L. and other. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness. Metaphorization of German artistic consciousness // Xlinguae. 2020. № 3. P. 134–144. URL: http://www.xlinguae.eu/2020_13_03_11.html (дата обращения: 28.07.2020).
- 42 Muzykant V. L., Ponomarenko E. B., Barabash V. V. and other. New media: invective language transformation of global communication // Xlinguae. 2019. № 1. P. 80–90. URL: http://www.xlinguae.eu/issue_n1_2019.html (дата обращения: 28.07.2020).
- 43 Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Muzykant V. L. and other. Functional Characteristics of the English and Russian Media Texts about the Sochi 2014 Winter Olympic Games: Political and Linguistic Aspects // Xlinguae. Vol. 10. June 2017. № 3. P. 83–100. URL: http://xlinguae.eu/2017_10_03_07.html (дата обращения: 28.07.2020).
- 44 Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universals human concepts in culture-specific configurations. N.Y.: Oxford University Press, 1992. 487 p.

© 2021. Valerii L. Muzykant
Moscow, Russia

© 2021. Zvezdan Kunich
Banja Luka, Republika Srpska

© 2021. Daliborka Maryanovich
Banja Luka, Republika Srpska

**A SPIRITUAL VERSE
IN THE RUSSIAN-SERBIAN LINGUOCULTURAL TRADITION:
STYLISM OF SPEECH RESOURCES**

Abstract: This paper is to study the origins of existence of the Russian spiritual verse as a national cultural heritage, which is part of the common lingua-culture of the Russian and Serbian peoples. This still insufficiently explored issue of modern Slavic studies is viewed from the perspective where language and religion are the basis of the mutual influence of two great cultures. Along with proposed typology of the language of Christian chants, the authors highlight lexical and stylistic features of the Russian spiritual verse in the context of the modern Serbian linguacultural tradition. Scientific novelty of the research consists in the integration of linguistic and culturological approaches to the object and subject of the study in a synchronous-diachronic aspect, identifying common and varied linguistic features determined by sociolinguistic factors in the texts of spiritual poems. The methods and methodology of the research follow the traditions of Russian studies and Slavic linguistics, and the implementation of the research allows us to draw a relevant conclusion that the sources of spiritual verse, closely related to the sacred world, are a sociocultural phenomenon.

Keywords: Russian spiritual verse, Serbian linguistic culture, church vocabulary, Christian ideas, educational function of verse.

Information about authors:

Valerii L. Muzykant — DSc in Sociology, Professor of the Department of Philology, The Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: vmouzyka@rmail.ru

Zvezdan Kunich — Post-graduate student, The Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: zvjezdan@mail.ru

Daliborka Maryanovich — Post-graduate student, The Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: dacamarijanovic@hotmail.com

Received: November 11, 2019

Date of publication: March 28, 2021

For citation: Muzykant V. L., Kunich Z., Maryanovich D. A spiritual verse in the Russian-Serbian linguacultural tradition: stylism of speech resources. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 248–267. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-248-267>

REFERENCES

- 1 Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. Vol. 7. 799 p. (In Russian)
- 2 Brazhnikov M. V. *Drevnerusskaia teoriia muzyki (po rukopisnym materialam XV–XVIII vekov)* [Old Russian theory of music (based on manuscripts of the 15–18th centuries)]. Leningrad, Muzyka Publ., 1972. 423 p. (In Russian)
- 3 Bugaeva I. V. *Iazyk religioznoi sfery* [The language of religious sphere: DSc thesis, summary]. Moscow, 2010. 48 p. (In Russian)
- 4 Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical essays of Russian Folk Literature and Art]. St. Petersburg, Izdanie D. E. Kozhanchikova Publ., 1861. 643 p. (In Russian)
- 5 Buslaev F. I. “Russkie dukhovnye stikhi” [“Russian Spiritual Poems”]. In: *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Khrestomatiia po fol'kloristike: Uchebnoe posobie* [Russian oral folklore. Anthology of folklore studies: Textbook], edited by Iu. G. Kruglov. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003. 710 p. (In Russian)
- 6 Veselovskii A. N. *Razyskaniia v oblasti russkikh dukhovnykh stikhov* [Research in the field of Russian spiritual poetry]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1880. Vol. 2. Part II. Sv. Georgii v legende, pesne i obriade [St. George in legend, song, and rite]. 228 p. (Prilozhenie k XXXVII t. Zapisok Imp. Akademii nauk. No 3 [Appendix to XXXVII vol. of Notes of Imp. Academy of Sciences]). (In Russian)
- 7 Dukhovnaia zhizn' serbov [Spiritual life of Serbs]. In: *Pravmir.ru*. Available at: <https://www.ppravmir.ru/duxovnaya-zhizn-serbov/> (accessed 01 April 2020). (In Russian)
- 8 Gusev V. E. Pushkin i Vuk Karadzich [Pushkin and Vuk Karadzich]. In: *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Proceedings of the Pushkin Commission]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, vol. 24, pp. 29–41. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v91/v91-029-.htm> (accessed 03 May 2020). (In Russian)
- 9 Dve sviatye Evfrosinii [Two Saints Euphrosyne]. In: *Evfrosinia.ru*. Available at: <https://evfrosinia.ru/index.php/news/1-2013-01-16-14-53-58/2480-2018-07-31-17-58-25.html> (accessed 01 April 2020). (In Russian)
- 10 Za krest chestnoi i svobodu zolotuiu. Bog daroval serbam vozhdia Karegeorgiia [For an honest cross and golden freedom. God gave Serbs the leader Karegeorgy]. In: *Vestnik*. No 30. Available at: <http://www.pafnuty-abbey.ru/publishing/6333/> (accessed 21 January 2020). (In Russian)
- 11 Zvezdin D. A. Pravoslavnaia propoved' kak zhanr tserkovno-religioznogo stilia sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: na primere tekstov vtoroi poloviny XX veka [Orthodox preaching as a genre of the church-religious style of the modern Russian literary language: by the example of texts of the second half of the 20th century: PhD thesis, summary]. In: *Dissercat.com*. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaia-propoved-kak-zhanr-tserkovno-religioznogo-stilya-sovremennogo-russkogo-literat> (accessed 01 April 2020). (In Russian)
- 12 Kanakina G. I. Dukhovnye stikhi kak lingvokul'turologicheskii fenomen [Spiritual poetry as a linguoculturological phenomenon]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2011, no 23, pp. 154–157. (In Russian)
- 13 Kirpichnikov A. I. Istochniki nekotorykh dukhovnykh stikhov [Sources of some spiritual verses]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1877, no 10, pp. 133–150. (In Russian)

- 14 Kolesov V. V. Iazyk i stil' fol'klornogo placha i dukhovnogo stikha [Language and style of folk crying and spiritual verse]. In: *Iazyk russkogo fol'klora* [Language of Russian folklore]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PGU Publ., 1988, pp. 15–24. (In Russian)
- 15 Krylova O. A. Mozhno li schitat' tserkovno-religiozni stil' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka raznovidnost'iu gazetno-publitsisticheskogo? [Stereotype and creativity in the text. Perm, Krylova O.A. Can the church-religious style of the modern Russian literary language be considered a kind of journalese]. In: *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity in the text]. Perm', Izdatel'stvo PGU Publ., 2001, pp. 259–270. (In Russian)
- 16 Krysin L. P. Religiozno-propovednicheskii stil' i ego mesto v funktsional'no-stilisticheskoi paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka [Religious and preaching style and its place in the functional and stylistic paradigm of the modern Russian literary language]. In: *Poetika. Stilistika. Iazyk i kul'tura: sbornik pamiati T. G. Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and culture: Collection in memory of T. G. Vinokur]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 135–138. (In Russian)
- 17 Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)
- 18 Mar'ianovich D. Izuchenie russkogo iazyka v serbskikh seminariakh na osnove russkogo dukhovnogo s uchetom ego leksicheskikh i stilisticheskikh osobennostei [Russian language study in Serbian seminaries based on the Russian spiritual language, taking into account its lexical and stylistic features]. In: *Izuchenie i prepodavanie russkogo iazyka v raznykh lingvokul'turnykh sredakh. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh* [The study and teaching of the Russian language in different linguistic and cultural environments. Collection of papers articles of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists], under the general editorship of V. M. Shakleina. Moscow, Izdatel'stvo RUDN Publ., 2019, pp. 437–450. (In Russian)
- 19 *Moskovskii Telegraf*. 1827. Part XIII, “Kritika” [“Criticism”]; 1829. Part XXV, “Inostrannaia literature” [“Foreign literature”]. (In Russian)
- 20 Murashova N. S. Rol' dukhovnogo stikha v sokhranении kul'turnoi identichnosti staroobriadtsev [The role of spiritual verse in preserving the cultural identity of the Old Believers]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 43–53. Available at: <http://www.vestnik-sk.ru/assets/files/4.-Murashova-N.S.pdf> (accessed 01 April 2020). (In Russian)
- 21 Nikolich M. *Natsional'no-kul'turnyi komponent semantiki rodstva–svoistva v russkoi i serbskoi iazykovoi kartine mira* [National-cultural component of kinship-property semantics in the Russian and Serbian language picture of the world]. Moscow, 2016. 180 p. (In Russian)
- 22 Novikov Iu. A. K voprosu ob evoliutsii dukhovnykh stikhov [On the issue of the evolution of spiritual poetry]. In: *Russkii fol'klor: Iz istorii russkoi narodnoi poezii* [Russian folklore: From the history of Russian folk poetry]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, vol. 12, pp. 208–220. (In Russian)
- 23 Petrov A. M. *Sintaksis russkikh dukhovnykh stikhov* [Syntax of Russian spiritual verses]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo KarNTs RAN Publ., 2012. 164 p. (In Russian)
- 24 Pravoslavnoe obozrenie [Orthodox Review]. In: *Pinterest.ru*. Available at: https://www.pinterest.ru/pin/197454764892590177/?nic_v1=1aab%2B05Urwo2UR%2Bnxrev%2BNiN8R4d93nOBV3AiG%2BqkFz%2B3wodUtX1m9CqjrsOuz7WL (accessed 23 June 2020). (In Russian)

- 25 Russkii iazyk v demokraticheskoi Serbii [Russian language in democratic Serbia]. In: *Regnum.ru*. Available at: <https://regnum.ru/news/society/2884163.html> (accessed 23 June 2020). (In Russian)
- 26 Selivanov F. M. *Russkie narodnye dukhovnye stikhi: Uchebnoe posobie dlia filologicheskikh fakul'tetov* [Russian folk spiritual verses. Textbook for philological faculties]. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
- 27 Solov'ev S. M. *Sochineniia. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: v 18 t.* [Compositions. History of Russia since ancient times: in 18 volumes.]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 4. 768 p. (In Russian)
- 28 Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye. (Russkaia dukhovnaia vera po dukhovnym stikhom)* [Spiritual poetry. (Russian spiritual faith based on spiritual verses)]. Moscow, Progress, Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
- 29 Festival' dukhovnoi poezii "Evfimievy dni" v Serbii [Festival of Spiritual Poetry "Euphemian Days" in Serbia]. In: *Fap.ru*. Available at: <https://fap.ru/press-center/news/festival-dukhovnoy-poezii-evfimievy-dni-v-serbii/> (accessed 01 July 2020). (In Russian)
- 30 Khlybova T. V. Estetika dukhovnogo stikha [Aesthetics of spiritual verse]. In: *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Moscow, Izdatel'stvo Gos. resp. tsentra rus. fol'klora Publ., 2004, vol. 6, pp. 144–158. (In Russian)
- 31 Beogradska natsionalna biblioteka (Narodna biblioteka Srbije) [Belgrade National Library]. In: *Nb.rs*. Available at: https://www.nb.rs/index.php?change_lang=en (accessed 01 July 2020). (In Serbian)
- 32 Havranek B. *Studie o spisovnem jazyce* [Studies on the written language]. Praha, 1963. 371 p. (In Czech)
- 33 Karadžić Vuk S. *Vukova prepiska* [Vuk's correspondence]. Beograd, 1908. Book II. 310 p. (In Serbian)
- 34 Karadžić Vuk S. *Srpske narodne pjesme* [Serbian folk songs]. Vienna, Izd. Beč., 1862. Book IV. 545 p. (In Serbian)
- 35 Mistrik J. Religiozny styl [Religion Style]. *Stilistika*, 1992, no 1, Opole, pp. 82–90. (In Slovak)
- 36 Sedmi međunarodni sabor dukhovne poezije [Seventh International Assembly of Spiritual Poetry]. In: *Ckorakovica.com*. Available at: <https://ckorakovica.com/sedmi-medjunarodni-sabor-duhovne-poezije/> (accessed 31 July 2020). (In Serbian)
- 37 Novaković S. *Srpska bibliografija za noviju književnost 1741–1867* [Serbian bibliography of recent literature 1741–1867]. Belgrad, Beograd državna štamparija Publ., 1869. 644 p. (In Serbian)
- 38 Ruski jezik je sve popularniji među Srbima, iako ga uchi malo osnovatsa [Russian is becoming more and more popular among Serbs, although it is insufficiently taught in primary schools]. In: *Srbin.info*. Available at: <https://srbin.info/drustvo/ruski-jezik-je-sve-popularniji-medu-srbima-i-iako-ga-uchi-malo-osnovatsa/> (accessed 28 July 2020). (In Serbian)
- 39 The Babbel Method. In: *Begin.babbel.com*. Available at: https://begin.babbel.com/en_gb/new-multilanguage-selection/ (accessed 28 July 2020). (In English)
- 40 Gumperz John J. Verbal Strategies in Multilingual Communication, Working Paper 36. *Report of the Twenty-first Annual Round-Table Meeting on Linguistics and Language*

- Studies*. Monograph series on Languages and Linguistics. No 23, edited by J. Alatis. Berkeley, Language Behavior Research Laboratory, University of California Publ., 1970, pp. 129–147. (In English)
- 41 Krasavsky N. A., Baranova K. M., Muzykant V. L. and other. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness. Metaphorization of German artistic consciousness. *Xlinguae*, 2020, no 3, pp. 134–144. Available at: http://www.xlinguae.eu/2020_13_03_11.html (accessed 28 July 2020). (In English)
- 42 Muzykant V. L., Ponomarenko E. B., Barabash V. V. and other. New media: invective language transformation of global communication. In: *Xlinguae*, 2019, no 1, pp. 80–90. Available at: http://www.xlinguae.eu/issue_n1_2019.html (accessed 28 July 2020). (In English)
- 43 Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Muzykant V. L. and other. Functional Characteristics of the English and Russian Media Texts about the Sochi 2014 Winter Olympic Games: Political and Linguistic Aspects. In: *XLinguae*, vol. 10, June 2017, no 3, pp. 83–100. Available at: http://xlinguae.eu/2017_10_03_07.html (accessed 28 July 2020). (In English)
- 44 Wierzbicka A. *Semantics, culture and cognition: universals human concepts in culture-specific configurations*. New York, Oxford University Press Publ., 1992. 487 p. (In English)